

ПЕВЧИЕ В ДУХОБОРЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX века

Аннотация. Институт певчих, изучению которого посвящена работа, как специфическая структурная часть духовоборческой секты, выделился из общего хора псалмопевцев. Оказавшись самой устойчивой частью сообщества, он единственный пережил исторические потрясения и внутренние катаклизмы и дожил до наших дней. Автор использовал архивные и опубликованные источники, в том числе псалмы духовоборцев, а также свои экспедиционные наблюдения, сделанные у закавказских духовоборцев. В работе рассмотрено формирование института певчих, их роль и статус в секте во второй половине XVIII – начале XX в. Автор пришел к выводу, что в ключевой части обряда богомоления, в котором запечатлены основные положения вероучения секты, под пение певчих и всех молящихся на них, по представлению духовоборцев, нисходил Святой Дух и совершалось духовное причащение, за которое они ратовали, отвергнув церковные «рукотворные» таинства. Пение псалмов – это не сопровождение богослужения, а его самая мистическая часть, главными акторами которой были певчие. Роль певчих в обряде предопределила их очень высокий статус в секте и обеспечила в дальнейшем устойчивость самого института.

Ключевые слова: духовоборцы, певчие, вероучение, обрядность, мистическая секта.

Ссылка при цитировании: Иникова С. А. Певчие в духовоборческом сообществе во второй половине XVIII – начале XX века // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 68–79

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования»

Иникова Светлана Александровна (Inikova Svetlana Aleksandrovna) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: inikova_svetlana@iea.ras.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4925-8819>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 33. С. 68–79

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 304.28; ББК – 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-33/68-79>

В последнее десятилетие немало работ было посвящено музыкальной культуре духоборцев, прежде всего, псалмопению. Музыковеды, обратив внимание на необычную технику исполнения и широкое использование песнопений в культовой практике, предприняли попытки найти источники музыкальных заимствований (Зернина 2013, 2017; Косых 2021, 2022; Рудиченко 2015, 2018), а филологи еще в начале миллениума заинтересовались соответствием музыкальной и речевой форм текста духоборческих псалмов (Кодзасов, Никитина 2004). Но не менее важно для изучения духоборческой истории и культуры рассмотреть формирование и деятельность института певчих, его роль и степень вовлеченности в религиозную жизнь сообщества во второй половине XVIII – начале XX в. Без обращения к прошлому невозможно говорить о его судьбе в советскую и постсоветскую эпохи.

В первых дошедших до нас следственных делах 1760–1770-х годов секта духоборцев¹ выступает как оформившаяся религиозная организация, причем с настолько высоким уровнем самосознания и самоидентификации, что ее руководители сочли необходимым ходатайствовать перед

правительством о признании за сектой права на свободное вероисповедание. Несомненно, что процесс формирования такой организации занял не одно десятилетие. Ее социальной базой стали свободные крестьяне разных категорий Слободской Украины, Новороссии, Воронежской и Тамбовской губерний и небольшая часть донского и екатеринославского казачества.

С начала XIX в. духоборцы обрели свою территорию в Мелитопольском у. Таврической губ., куда они, по повелению Александра I, были переселены из перечисленных выше губерний. В 1841–1845 гг. все духоборцы, отказавшиеся перейти в православие, были выселены правительством в Закавказье. Туда они перенесли свое теократическое квазигосударство – Духоборию. Духоборцев, объединенных единым руководством, поселили в нескольких губерниях и уездах, но само название «Духобория», прежде всего, относилось к селениям, расположенным в Ахалкалакском у. Тифлисской губ.²

Закавказская Духобория, как единая социальная и религиозная организация, просуществовала до смерти в декабре 1886 г. последней общепризнан-

Духоборцы во время богослужения. Село Славянка Елизаветпольской губ. 1865 г.
Рис. В. В. Верещагина. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.
Негатив 93959

ной руководительницы Лукерьи Васильевны Калмыковой. Далее начались события, обречшие секту на постепенное угасание: борьба за власть, раскол на две партии: *большую*, включавшую подавляющее большинство жителей духоборческого «государства» и присягнувшую новому вождю Петру Васильевичу Веригину, и *малую*, состоявшую из жителей с. Горелое, отказавшихся признать Веригина; отъезд в 1898–1899 гг. в Канаду 7,5 тыс. наиболее последовательных сторонников П. В. Веригина.

Во главе духоборческой секты стоял обоженный руководитель, который определял всю ее религиозную и повседневную жизнь, стратегию отношений с местными властями и шире – с государством. При нем были старшина, атаман, маленькая армия – *казачки*, а в каждом селении – староста, группы *старичков* и певчих. Старички следили за чистотой веры, за поведением и нравственностью, решали семейные и хозяйственные споры, были хранителями преданий и пророчеств вождей. Функции певчих были ограничены исполнением псалмов во время религиозных обрядов. От них прежде всего требовались вокальные данные и хорошая музыкальная память.

Пение сопровождало богослужение в разных христианских конфессиях. Протестантские деноминации: меннониты, амиши, гуттериты, кроме, пожалуй, квакерской секты, придавали очень большое значение музыкальному исполнению религиозных текстов.

Пение псалмов, или *псалмов* в секте духоборцев было составной, важнейшей частью богослужения. В качестве псалмов использовались не только выбранные места из Библии, особенно Нового завета и Псалтыри, из церковных богослужебных книг, но и духовные народные и авторские стихи, апокрифические сказания, тексты с лубочных картинок, заговоры, причем нередко один псалом мог быть скомпонован из разных отрывков или настолько искажен, что только напоминал оригинал. Действительно оригинальные псалмы преимущественно представлены *начатками*³ (Каменев 1904: 491), которые являются духоборческим катехизисом.

По убеждению духоборцев, все псалмы были составлены их вождями, и в них изложено все божественное учение, поэтому они имели очень высокий сакральный статус. Один из псалмов даже специально посвящен пользе псалмопения: «Пение псалмов — душам нашим украшение. Ангелов на помощь призывать — отжениет тьму, содевает святыню человеку на укрепление ума, заглаживает грехи, подобно есть милости святых, прибавляет веру, надежду и любовь, яко солнце просвещает, тако водой очищает, яко огонь опалает, елеем умащает, дьявола постыдивает, а Бога показывает;

телесная похоти угашает <...>»⁴ (Животная книга 1909: псалом 91).

Передавались псалмы последующим поколениям исключительно в устной форме. Поскольку написанное на бумаге слово могло быть искажено или утрачено, то божественная истина должна быть написана только в сердце человека. Псалмы составляли устную «Животную книгу», хранившуюся в памяти людей⁵ и полностью собиравшуюся, когда духоборцы сходились на богослужение. Каждый псалом заканчивался фразой – «Богу нашему слава».

В отличие от псалмов, такие религиозные произведения, как *стишки*, которые пели на похоронах, свадьбах и праздничных застольях, не имели в конце сакраментальной фразы, обладали значительно меньшим религиозным статусом и их никогда не исполняли во время богослужения.

Западные идеи, заимствованные из учений протестантских сект (и не только) и своеобразно усвоенные основателями духоборчества, попадали в среду православных, за счет которых секта росла в XVIII в. Естественно, новое учение должно было использовать лексику, соответствовавшую религиозным представлениям вербуемых в секту людей. Более того, сами сектанты в силу религиозного мировоззрения не могли выйти за рамки существовавшей привычной религиозной лексики, но могли изменить понятия, стоявшие за прежними названиями. Они пошли по пути изменения лексического значения слов. Большинство псалмов имели явный смысл для посторонних и тайный, доступный только посвященным. Символизм и подмена лексических значений, использование отдельных придуманных слов вообще были свойственны эзотерическим организациям, в том числе мистическим сектам.

В начатках, или вопросо-ответных псалмах духоборцев часто встречаются слова «глаголы» и «пение» и производные от них – «поющие и глаголющие». Смысл этих слов раскрывается там же: «слово» или «глагол» – это Иисус Христос, а пение – Святой Дух, как пеленой покрывающий «единую, соборную, апостольскую церкву», которая есть «собрание истинных христиан», то есть духоборцев. С глаголами и пением (Сыном Божиим и Святым Духом), которых Бог «сотворил прежде для себя», Он «совет положил», создавая человека (Животная книга 1909: псалом 2, вопрос-ответ 93, 94; псалом 6, вопрос-ответ 32, 33, 35; псалом 8, вопрос-ответ 19). И еще – пение в псалмах духоборцев олицетворяет высший божественный духовный мир, или «небеса» (Животная книга 1909: псалом 14, вопрос-ответ 1).

«Поющие и глаголющие» – это сами духоборцы, хранители сущей веры христианской, а их живая душа – «образ Божий, лик небесный, поет и глаголет» (Животная книга 1909: псалом 6, во-

Семья духоборцев. Ахалкалакский у. Тифлисской губ.
Первая четверть XX в.
Архив С. А. Иниковой

прос-ответ 8). «<...> поющий и глаголющий передают из рода в род» то самое «слово, какое им было передано Спасителем мира», – писал в 1900 г. духоворец И. П. Обросимов в записке о духоворческих обрядах (*Ольховский*⁶ 1905: 242). Пение и произнесение священных слов Господа Бога и, таким образом, сохранение их для человечества – это заповедь, которую духоворцы свято исполняли.

Судя по архивным документам, во второй половине XVIII в. пение псалмов было обязательной частью молитвенного обряда духоворцев Тамбовской провинции. В ходе следствия в 1765 г. обвинявшийся в отступлении от православия однодворец с. Жидиловка Козловского у. Семен Жерноклев, которого еще только пытались вовлечь в секту, показал, что во время его пребывания на духоворческом молитвенном собрании в с. Горелое Тамбовского у. присутствовавшие пели 14 главу из Захария Пророка (Ветхого завета) и псалмы из Псалтири (*Высоцкий* 1914: 11). Более определенно описал моление в эти годы духоворец – житель Стрелецкой слободы г. Тамбова разночинец Иван Любимов: «человека по два и по три, а иногда и более сходятся в одну избу и поют псалмы, кто что знает, и поклоняются один другому и целуются для того, что человек есть подобие Божие, почему и думают, что они поклоняются Отцу и Сыну и Святому Духу» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2287. Л. 46 об.). В том же году священники и жители Жидиловки жаловались на группу отступивших от церкви сельчан-духоворцев, которые «неким странным дьявольским гласом чинят кличи безчисленные и некоторыя стихи от века неслышанныя» (Там же. Л. 6 об.). О пении духоворцами, разъезжавшими по селению на санях ночным временем толпою, писали в своей жалобе в 1803 г. жители с. Троицкая Дуброва Тамбовской губ. (ГАТО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 404. Л. 1 об.).

Традиция псалмопения как часть богослужения существовала и у духоворцев других губерний. В самом начале XIX в. псалмы пели на молениях духоворцы из Екатеринославской и Слободско-Украинской губерний (Некоторые черты 1896: 361; РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1816. Д. 20 б. Л. 115 об.) и духоворцы Астраханской губ., арестованные в 1802 г. на ярмарке в Ставрополе в тот момент, когда они «отправляли пением псалмов и другими невнятными словами службу публично» (РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 222. Л. 2).

В Таврии духоворцы были поселены компактно в девяти моноконфессиональных селениях в отдалении от православных и получили возможность свободно совершать свои обряды и совершенствовать певческое искусство. Пока богомоления были тайными и малочисленными, вряд ли было возможно выделить особую группу певцов, хотя, воз-

можно, запевалы среди них были. С увеличением численности духоворцев, собиравшихся на моления, возникла потребность в руководстве пением. Посетившие духоворцев современники отмечали, что запевали псалмы женщины, причем не все сразу, а среди них были «запевалы», мужчины же подхватывали пение (Записки квакера 1874: 36; Ф-в 1828: 50; Записка о духоворцах 1876: 403), то есть из общего хора участников богослужения выделились профессионалы, обладавшие лучшими вокальными данными и техникой пения. В Закавказье запевалу называли *заподилой*, от слов «заводить пасалом». Это слово употребляют и современные певчие.

Пением духоворцы провожали усопших, встречали своего главу, входившего в зал для богослужения или посещавшего по праздникам другие селения, псалмопением встречали высоких гостей, а в мае 1818 г. – приехавшего в их село Терпение в Таврии Александра I; пением духоворческие села беспрестанно оглашались во время выселения духоворцев в Закавказье (Записка о духоворцах 1876: 404; *Каменев* 1904: 490; Несколько слов 1870: 294).

Руководители секты очень ценили хороших певцов, и среди канадских духоворцев еще в 1950-е годы сохранялось предание о том, что во время проживания в Таврии некоего Едома Сабураева (он же Ананий Сибуряев) за прекрасный «соловьиный» голос руководитель секты Савелий Капустин переименовал в Соловьева (*Попов* 1997: 49), а это было знаком признания заслуг и высокой милости. О его необыкновенном голосе, как оказалось, помнили и современные закавказские духоворцы: «Он очень певчий был, такой был голос у него!» (ПМА 1).

В Сиротском доме⁷, созданном Капустиным в с. Терпение, жили девицы, «которые затверживали псалмы и которые потом делались запевалями», то есть там готовили профессионалов (Записка о духоворцах 1876: 405). Капустин сделал пение псалмов девушками-певчими обязательной частью ритуала почитания вождя-Христа. Обладая хорошими молодыми голосами, они должны были создавать и поддерживать вокруг вождя атмосферу особого благолепия, подобно тому, как в Горнем мире для Бога поют ангелы. При следующем вожде Василии Калмыкове число девиц в Сиротском доме увеличилось. Предположительно, эта традиция создавать группы девушек-певчих, окружавших руководителей секты, стала складываться еще в XVIII в. В документе за 1768 г. говорилось, что один из видных духоворцев из с. Горелое Тамбовской провинции, приближенный к вождю, оставил свой дом, жил в лесу и ездил «безпристанно з девками» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 274), которые, скорее всего, распевали псалмы или под его руководством разучивали их. Во время проживания в Таврии эта тради-

ция окончательно сформировалась и сохранялась в Закавказье, а также среди духоборцев, выехавших в Канаду (АГМИР. Ф. 2. Оп. 7. Д. 953. Л. 48).

Близкий к толстовцам, интересовавшийся духоборцами И. К. Дитерихс, побывавший в гостях у большой партии в Ахалкалакском у. Тифлисской губ. на Пасху 1907 г. и ездивший по селам вместе с их руководителем П. П. Веригиным (сыном П. В. Веригина), описал, как «однажды в одном селении “певчие” девицы что-то позамешкались и молодой Веригин велел им поторопиться, а затем так грозно крикнул, что б они были немедленно приведены, что те, что называется <...> из-под земли выросли и, не отдышавшись от скорого бега, завели какой-то “псалом”» (АГМИР. Ф. 14. Оп. 2. Д. 38. Л. 26 об.). Пение не прекращалось несколько часов, пока П. П. Веригин трапезничал.

Есть еще одно интересное свидетельство об обязанностях, которые возлагались на певчих девушек. Духоборец И. П. Обросимов в своей записке, написанной им по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича, сообщал, что в Закавказье в дом умершего духоборца приходили 12 певчих девушек⁸ и пели над покойником всё время, пока он лежал в доме (*Ольховский* 1905: 261). Эта информация относится к последней четверти XIX в.

В начале XX в. без участия певчих не проходили ни одни похороны и *поминки*, во время которых они пели псалмы и стихишки, пока покойник лежал дома, с пением провожали его на кладбище, участвовали в похоронном *вечере*, а потом на поминках на 42 дня и год. Возраст певчих, видимо, в это время уже не имел значения.

Очевидно, и в начале XIX в. в общем регулярном богомолении, как и в более поздний период, участвовали певчие разного возраста. Так, квакер Греллэ-де-Мобилье, побывавший у духоборцев в Таврии в 1819 г., упомянул, что запевалой на молитве была «старлица» (Записки квакера 1874: 36). В зависимости от ситуации к пению привлекали ту или иную возрастную категорию.

Житель с. Горелое в Закавказье Гаврила Балабанов оставил очень содержательные воспоминания о жизни села в 1910-е и в начале 1920-х годов, в которых он сообщал о своем недолгом пребывании в группе певчих: «Я имел хороший слух и голос, и меня приобщили к старшим товарищам, которые ходили к старым певцам и твердили религиозные псалмы. Я ходил пел и каждое воскресенье посещал молитву и там пел <...>» (*Балабанов б/д*). Он указывает на разные возрастные категории среди певчих: молодые, как он, старше его и старые. Не только он, но даже певчие среднего возраста продолжали ходить к старым певчим *твердить* псалмы, и, судя по тексту, это не было одноразовым посещением.

Выверживание мелодии и особенностей исполнения было процессом долгим, и регулярные спевки обеспечивали преемственность культуры пения. Духоборцы и раньше, и сейчас говорят не «учить» псалмы, а *твердить*, причем это относится и к тексту, и к пению. Как объяснила одна из певчих, это означает запомнить так, «чтобы проникало в мозг» (ПМА 2).

В Закавказье сфера деятельности певчих существенно расширилась, что было связано с изменениями, происходившими в секте. Размеренная и сытая жизнь, наступившая с 1860-х годов, вела к ослаблению былой религиозности. Борцы против всего материального в деле спасения души потихоньку превращались в обрядодержателей. Особенно это было характерно для духоборцев малой партии, которая после раскола секты крепко держалась за «старинку».

Все духоборцы поддерживали и даже развивали культ *родимой* Лушечки, 22-летнее правление которой было золотым веком секты. Но большая партия, состоявшая из тех сторонников П. В. Веригина, кто не уехал в Канаду, почитала его Сыном Божьим и чттила память о нем. Его сын П. П. Веригин уже не пользовался таким же огромным религиозным авторитетом, хотя и претендовал на роль нового Христа. Обе партии теперь держались за память об ушедших вождях, и это вылилось в создание сакрального ландшафта вокруг духоборческих селений, отмеченного многочисленными святыми местами, каким-либо образом связанными с вождями. По мере жизни в Закавказье возникали всё новые даты поминального календаря «святых и праведных родителей», то есть руководителей и ближайших членов их семей. Посещение святых мест в определенные дни и отмечаемые поминальные даты обязательно сопровождалось исполнением религиозных обрядов и, конечно же, не обходилось без певчих. И. К. Дитерихс отметил, что «духоборы придают им (псалмам. – С.И.) слишком важное значение, и потому во всех случаях жизни, а тем более в торжественных, пение “псалмов” обязательное установление и с этим приходится мириться» (АГМИР. Ф. 14. Оп. 2. Д. 38. Л. 26 об.). Но самым главным всегда оставался обряд богослужения, в котором наиболее полно раскрывалась роль певчих.

Отвергнув всё связанное с культовой церковной практикой, духоборцы в своих вопросо-ответных псалмах на вопросы: а есть ли у вас церковь, икона, евангелие, крест и т. д., отвечали, что все это у них есть, и дальше раскрывался новый духовный смысл каждого привычного слова. Церковь «построена ни в горах, ни в бревнах, ни в каменных стенах, а наша церковь построена в душах и сердцах человеческих» (*Животная книга* 1909: псалом 6, во-

прос-ответ 21): «тело наше храм Божий», и в этом храме вместо икон «душа наша образ Божий, лик небесный» (Животная книга 1909: псалом 12, вопрос-ответ 4), и весь «иконостас церковный, окрест духовный, – собрание истинных христиан» (Животная книга 1909: псалом 74); в этом храме «свечи неугасимы; свечи горят во храмине, а святая молитва в разуме» (Животная книга 1909: псалом 3, вопрос-ответ 33; псалом 380); священник в этом храме праведный, преподобный, не скверный и безгрешный – сам Господь.

Духоборцы в нескольких псалмах говорили, что у них есть таинства (Животная книга 1909: псалом 1, вопрос-ответ 23, 24; псалом 3, вопрос-ответ 55, 74, 88). Названия четырех из семи перечисленных духоборческих таинств полностью соответствуют названиям православных таинств: крещение, миропомазание, причащение, покаяние. Миропомазание лишь упоминалось в псалмах, тогда как суть крещения, покаяния и причащения раскрыты достаточно ясно. Покаяние (исповедь), по их мнению, «свыше добродетелей» (Животная книга 1909: псалом 9, вопрос-ответ 16), и покаяться надо не попу, а Богу, и прекратить грешить. Крещение и причащение – это «когда кто восприимлет слово Божие в себе, крестится от Христа святым духом», то есть для того, чтобы стать членом святой апостольской церкви и быть причисленным к сообществу, возродиться для новой жизни, надо воспринять в себя слово Божие. Причащение или принятие святых тайн – это познание истинного Бога-Отца и Христа, открывающегося людям своим, получение слова Христова, а не хлеб и вино, которые есть только «похоть плотская, в уста входит, фадроном преисходе»⁹ (Животная книга 1909: псалом 1, вопрос-ответ 24; псалом 3, вопрос-ответ 74; псалом 85). Иными словами, главные духоборческие таинства, понимаемые духовно, это покаяние – оставление всех грехов, крещение – приобщение к вере, причащение – духовное познание божественных тайн, то есть откровение Божие¹⁰. Совершив первое и второе, духоборец стремился к познанию истинного Бога и получению от Него слова.

В православной церкви причастие совершается во время главной церковной службы – литургии. Свое богослужение духоборцы тоже называли *литургией* (Ольховский 1905: 244 примеч.), и так же, как православные перед причастием, они шли на богослужение натошак. Слово «литургия» еще в 1980-е годы изредка можно было услышать от современных духоборцев, но в основном они называют обряд богослужения *поклонением*.

Он был многократно описан, но придется обратиться к нему еще раз. Мы опускаем приветственную часть обряда – поясные поклоны входящих в

помещение, где состоится богослужение, их приветствия, а также заключительную часть – прощание перед уходом домой. Остановимся на его центральной части. Она заключалась в поочередном чтении псалмов сначала сидящими на лавке вдоль правой стены от стоявшего в углу стола мужчинами, затем женщинами, сидевшими вдоль левой стены. Старшие по возрасту занимали места ближе к столу. В те времена, когда в секте был вождь, он сидел первым в мужском ряду, а последняя руководительница Лукерья Калмыкова садилась первой в женском ряду.

Со слов духоборца, записанных в конце XIX в. толстовцем И. М. Трегубовым, «чтение псалмов <...> означает то, что мы ставим свечи неугасимы <...> Каждый читает свой особенный псалом: если один поставил свечу, то другой не должен ставить ту же самую, а должен ставить другую» (Ольховский 1905: 245). Современные духоборцы читают псалмы разборчиво, но не громко, монотонно, без эмоций, но с определенным ритмом, и это создает ощущение их обращенности внутрь себя. На вопрос, почему читают так монотонно, старейшая духоборка Гореловки ответила: «Так нас учили. Мы ж Богу читаем, а не людям» (ПМА 3). Молитва, как говорится в псалме, соединяет человека с Богом (Животная книга 1909: псалом 157, 380), и это важно для последующих действий.

Закончив чтение псалмов, все встают. Обе группы подходят ближе друг к другу и в первый ряд выдвигаются певчие. Они обычно пели одну-две строки текста псалма, каждая из которых соответствует музыкальной строфе и называется *взвод* (произносили как *звод*, *узвод*). Собственно, пели все присутствовавшие, но запевали и вели хор певчие. Под пение второго-третьего взвода сначала мужчины, а затем женщины начинали *видаться*¹¹: второй духоборец подходил к первому, они брались за правые руки в дружеском рукопожатии¹², одновременно, не разжимая рук, делали два поклона, целовались в губы и делали еще один поклон, четвертый поклон отдавали женщинам. После мужчин кланялись женщины, отдавая четвертый поклон мужчинам. В конце XIX в. духоборцы объясняли: «За руку берутся со смыслом <...> сплетшие в любви, во благодати, возвышением разума – опознать Тайного Бога Отца и Христа, в нем же есть суд, сокровище и разум сокровенный», а «целуемся <...> в знак: “лобзаемся лобзанием вечной любви”» (Ольховский 1905: 246 примеч.)¹³.

Обычно на богомолении пели три псалма, но их могло быть и больше: всё зависело от числа собравшихся и величины псалмов. Когда молившиеся заканчивали *видаться*, певчие допевали взвод и кто-нибудь из них *дочитывал* псалом. «Дочитать» означает прочитать псалом полностью от начала до

конца. Видались на молитве только во время пения. На это еще в 1819 г. обратил внимание вышеупомянутый квакер Греллэ-де-Мобиле (Записки квакера 1874: 36); об этом говорят и современные духовборцы. Они понимают суть этого действия так: «Пошел, помолился, поклонялся, повидался с Богом: ведь кланяемся – это мы с Богом выдаемся¹⁴» (ПМА 4). Духовная встреча с Богом под пение псалма – это кульминация обряда, который нельзя прерывать.

А. К. Черткова, встречавшаяся с духовборцами, бывшими проездом у нее в гостях в Англии в местечке Пюрлей, где жили толстовцы, записавшая нотами несколько псалмов и стихов и беседовавшая с ними, писала, что «пение происходит у них при очень строгом, благолепном порядке. Для них – это дело серьезное, “божественное”. И в обыкновенное время так же, как во время воскресного богослужения, они поют чинно, как будто исполняют обряд» (Черткова 1910: 7). Псалмы и стихи, как говорили и говорят духовборцы, они *пели*, а светские песни *играли*.

Итак, молящийся прочитал псалом, то есть поставил Богу незримую свечу, вместо вещественной иконы поклонился троичному Божьему образу в душе человека, но возникает закономерный вопрос: в чем же заключалось духовное причащение, происходившее на этой духовборческой литургии? Сохранилось редкое свидетельство, как его понимали сами духовборцы. На допросе в 1803 г. тамбовский духовборец показал, что они «молятся богу, исповедываются и приобщаются святым тайнам мысленно и пением псалмов» (ГАТО. Ф. 2. Оп. 25. Д. 68. Л. 1 об.). В то время, когда происходит *видание*, на молящихся под пение (или с пением) псалма нисходит Святой Дух, и они получают Божественное слово – откровение. И совершенно ясной становится строка их псалма: «Глаголет нам Господь в сердцах и пениях» (Животная книга 1909: псалом 178). При ведущей роли певчих во время поклонения реализовывалась самая мистическая часть духовборческого учения – откровение Божье.

Это совершенно не похоже на введение себя в транс бесконечным чтением Иисусовой молитвы или экстатичными движениями под пение распевцев в сектах хлыстов и скопцов. Впрочем, можно вспомнить мистическую секту английских квакеров, вообще отказавшихся от произнесения молитв, пения, каких-либо обрядов и практиковавших самоуглубление в безмолвии и ожидании озарения.

С. Е. Никитина и С. В. Кодзасов отметили особенности музыкальной формы, в которой исполнялись псалмы – «чрезвычайно замедленной, без выраженного ритма, зато со многочисленными “атаками”, или твердыми приступами гласных, меняющихся в длительном распевании слогов <...>» (Кодзасов, Ни-

китина 2004: 532). Они же отметили высказывание канадского исследователя К. Пикока, изучавшего духовборческое псалмопение, об особом типе дыхания исполнителей. И нельзя не согласиться с авторами, что именно такая музыкальная «форма создает впечатление безличной растворенности в чем-то бесконечном» (Кодзасов, Никитина 2004: 532). Возьмем на себя смелость утверждать, что это не что иное, как техника вхождения в состояние транса, и певчие выступали ведущими в этом процессе.

Все сказанное относится к тем обрядам, при совершении которых духовборцы *видались* под пение псалмов. Во всех других случаях пения псалмов целью певчих было создание атмосферы духовной причастности к Небесам, позиционирование себя как божьего израильского (избранного) народа, то есть это была своеобразная форма самоидентификации.

Пение духовборцев производило на современников, которые даже не догадывались, какая мистерия разыгрывается у них на глазах, большое впечатление своей необычностью. У каждого слышавшего его возникали какие-то свои образы. Те, кто недоброжелательно относился к духовборцам, слышали в нем «странный дьявольский глас» или пение гуляров и бандуристов, исполнявших тексты, сложенные языком офеней (Каменев 1904: 489, 490), но были люди, видевшие в духовборцах борцов с самодержавием и церковью и слышавшие в их пении «заунывность притесненной, вечно страдавшей, преследовавшейся, травленной жизни»; «грустные, протяжные звуки, полные безысходной тоски» и даже «всхлипывания в колеблющихся звуках мелодии». Для них духовборческое «грустное, монотонное пение веет чем-то безнадежным» (Бонч-Бруевич 1911: 254; Сулержицкий 1905: 24; Линева 2002: 21; ОР РГБ. Ф. 369. К. 436. Ед. хр. 4. Л. 60). А у кого-то не возникало никаких ассоциаций, и они считали, что «духовборческое пение в большом количестве тоже утомляет сильно, т. к. слов разобрать нельзя, а мотивы бедны и тягуче однообразны <...> на непривычного действуют удручающе» (АГМИР. Ф. 14. Оп. 2. Д. 38. Л. 26 об.).

Как писала А. К. Черткова, долгое распевание духовборцами гласных с почти закрытым ртом делает звук узким и жестким, а слова совершенно неразборчивыми, и это, по ее мнению, было недостатком такой манеры исполнения (Черткова 1910: 7). Современные исследователи обращали внимание на чрезвычайно замедленное распевание гласных, делавшее текст непонятным, буквально неуловимым, и задавали закономерный вопрос: «зачем нужно петь текст, если он заведомо непонятен?» (Кодзасов, Никитина 2004: 530). Но каким должно быть пение, призывающее, по мнению духовборцев, в души и сердца верующих Святой Дух? Оно не могло по-

ходить на что-то привычно-обычное и даже просто земное. И без того непонятный текст непонятно пелся для Бога.

Понимали или нет сами рядовые духоборцы, какой псалом поется? В период религиозного расцвета секты, когда вся их жизнь проходила в замкнутом духоборческом социуме, они, возможно, могли это определить, но в 1980-е годы распознать псалом могли только сами певчие.

Другой вопрос, из каких источников и что именно духоборцы почерпнули для себя, а что привнесли собственного, чтобы получилось столь непривычное русскому уху пение. Возможно, музыковеды смогут найти на него ответ, тем более что серьезные шаги в этом направлении уже делаются (Косых 2021). Современные закавказские духоборцы в 1980-е годы склонны были считать, что это пение идет со времен явления на земле Христа. Канадский духоборец И. А. Попов тоже отметил представление единоверцев о том, что «мотив этого пения пребывает в страдальческом роде со времени самого Иисуса Христа» (Попов 1997: 24).

Такая манера исполнения псалмов, естественно, порождала у современников, не посвященных в тайну, вопрос: почему духоборцы так странно поют. Последние всегда отвечали, что во времена жестоких гонений, опасаясь соглядатаев, могущих проникнуть на их собрания и донести, предки духоборцев с помощью такой манеры скрывали смысл учения, а потом это вошло в традицию (Черткова 1910: 7). Точно так же певчие говорят и сейчас. И современные исследователи опять готовы поверить им, потому что такое объяснение звучит убедительно. Но это один из тех мифов, который принадлежит самим же духоборцам, не желавшим вдаваться в объяснения посторонним. Догматические псалмы и так имели двойной смысл: явный и тайный, и последний был недоступен чужим, а странная манера пения, наоборот, только привлекала ненужное внимание. Был даже такой случай, когда духобор-

цы, жившие среди православных с. Новоалександровка Таврической губ., в 1820 г. вынуждены были открыть свою принадлежность к секте, поскольку приходской священник услышал их странное пение и уличил в вероотступничестве (РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1820. Д. 18. Л. 6).

Пение псалмов во время богослужения было неоднократно зафиксировано в документах второй половины XVIII в. Создание моноконфессиональных духоборческих поселений в Таврии в начале XIX в., необходимость руководить сложным по своей манере пением большого числа молящихся и то значение, которое придавал качеству пения руководитель секты С. Капустин, – все это способствовало выделению певчих из общего хора. Главной же причиной создания института певчих было завершение в новых условиях формирования культовой практики, которая в наиболее совершенной форме должна была соответствовать мистическому учению секты.

Высокий статус певчих в секте и устойчивость самого института определялись их ролью в богослужении и других обрядах. При ведущем участии певчих совершалось духовное причащение и молившиеся получали Божественное откровение.

Специфика духоборческого пения, которую отмечали современники и исследователи, была направлена на введение молящихся в состояние транс. Владение техникой пения требовало от певчих высокого профессионализма, который достигался постоянными спевками и «затверживанием» псалмов.

В XIX – начале XX в. видна тенденция к расширению участия певчих в религиозной жизни секты, соответственно, возрастала и их востребованность в сообществе. Пение псалмов являлось неотъемлемой частью духоборческой культуры. Оно способствовало сплочению секты и укреплению идентичности.

Обращение к изучению института певчих позволяет существенно расширить представления о самой секте, убедиться, что ее учение и культ имеют мистическую основу.

Примечания

¹ Название «духоборцы» сектанты получили в официальных документах только в 1786 г. от архиепископа Славянского и Херсонского Никифора (Феотокиса). В основу духоборческого учения были положены идеи западного протестантизма, в том числе анабаптизма и, возможно, польско-литовского антиринитаризма. Духоборцы считали, что поклоняться надо единому Богу духовно и не признавали ничего рукотворного в культовой практике. Себя считали истинной церковью, возглавляемой Сыном Божиим Христом, пребывавшим в плоти их вождей. Они не нуждались в Священном Писании и церковных таинствах, ибо Бог сам научал божественным истинам через откровение. В душе верующего человека, в памяти, разуме и воле запечатлен образ Божий – живая икона, которому они поклонялись на молении. Являясь мистической по своей сути, секта не имела экстатического культа.

² Духоборцы расселились в Ахалкалакском и Борчалинском уездах Тифлисской губ., в Елизаветпольском у. одноименной губернии. В начале 1880-х годов, после присоединения к России Карсской обл., часть переселилась туда. Духоборией обычно называли селения в Ахалкалакском у.: Богдановка, Горелое (Гореловка), Орловка, Спасское, Ефремовка, Троицкое (в советское время Калинино), Родионовка, Тамбовка. Центром

было с. Горелое, где жил руководитель секты.

³ Название «начатки» очень символично, то есть это начало знаний о вере.

⁴ Текст этого псалма заимствован из приписываемого блаженному Августину поучения под названием «О силах псалмов» (Псалтырь 1671: 9–10 об.). Псалом, записанный В. Д. Бонч-Бруевичем от духоборцев, содержит некоторые искажения, не меняющие его суть. Выражаю благодарность сотруднику ПСТГУ, к. филос. н. С. А. Воронцову, указавшему на место публикации поучения «О силах псалмов».

⁵ Псалмы духоборцев были записаны в 1899–1900 гг. В. Д. Бонч-Бруевичем от закавказских духоборцев, переселившихся в Канаду, и изданы в 1909 г.

⁶ Ольховский – псевдоним В. Д. Бонч-Бруевича.

⁷ Сиротский дом был одновременно резиденцией вождя, религиозным и административным центром и приютом для одиноких стариков и сирот.

⁸ Начиная с XVIII в., по примеру Иисуса Христа, окруженного 12 апостолами, руководители секты окружали себя 12 «ангелами», потом «апостолами», а в Закавказье – 12 «казачками». У Лукерьи Калмыковой было 12 подруг. Так что 12 певчих девушек – цифра не случайная.

⁹ Слово «фадрон» – от «афедрон», что на греческом означает «уборная», употреблялось в значении «задний проход». Бонч-Бруевич отметил в примечании к псалму 85, что духоборцы именно так понимали это слово (Животная книга 1909: примеч. 193).

¹⁰ Лютер первоначально признавал три таинства: крещение, покаяние и евхаристию, совершаемые реально, но понимаемые как символы «благодатного состояния» человека. Некоторые протестантские секты, например, гернгутеры, признавали тоже эти три таинства. Духовное понимание таинств было характерно для квакеров.

¹¹ Фраза «идти кланяться» или «пойти на поклонение» означает участие в обряде богомоления: от прихода в место совершения обряда и до прощания. Слово «видаются» означает центральную часть этого обряда, когда, взявшись за руки, два духоборца (или две духоборки) два раза кланяются, целуются и еще раз кланяются под пение псалма, т.е. слова «кланяться» и «видаться» не являются синонимами.

¹² Надо отметить, что рукопожатия в разные моменты богослужения практикуются у лютеран, меннонитов, амишей, квакеров. На надгробиях старых меннонитских кладбищ в США можно увидеть две руки, соединенные в рукопожатии.

¹³ Бонч-Бруевич (псевдоним Ольховский) со слов представителя большой партии записал, что тот, кто начал кланяться первым (второй, подошедший к первому), говорил шепотом: «“На сем месте покланяемся Отцу и Сыну и Святому Духу”. Его товарищ по поклонению также шепотом отвечает ему: “по нашему желанию был Бог и будет”» (Ольховский 1905: 246). В обозримом прошлом закавказские духоборцы ничего во время поклонения не говорили.

¹⁴ Слово «видаться» употреблялось в определенные моменты свадебного, похоронного обрядов, проводов в армию. Участники так же, как на богомолении, брались за руки, кланялись, целовались, причем в некоторых случаях женщины могли «видаться» с мужчинами.

Источники и материалы

АГМИР – Архив Государственного музея истории религии.

Балабанов б/г – Балабанов Г. Г. Воспоминание Балабанова Гаврилы Григорьевича. Этнографическое описание жизни духоборцев за время с 1910 г. и по настоящее время. Машинописная копия рукописи. Б/г. Архив автора.

Бонч-Бруевич 1911 – Бонч-Бруевич В. Д. У закавказских духоборцев // Современный мир. 1911. № 6. С. 237–265.

Высоцкий 1914 – Высоцкий Н. Г. Материалы из истории духоборческой секты. Сергиев Посад, 1914.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Животная книга 1909 – Животная книга духоборцев. СПб., 1909.

Записка о духоборцах 1876 – Записка о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Труды Киевской духовной академии. 1876. № 8. С. 390–420.

Записки квакера 1874 – Записки квакера о пребывании в России // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1. С. 1–36.

Каменев 1904 – Каменев М. Духоборческая секта // Миссионерское обозрение. 1904. № 14.

Линева 2002 – Линева Е. Э. Музыкальная поездка на Кавказ // По следам Е. Э. Линевой. Сб. науч. статей. Вологда, 2002. С. 16–30.

Некоторые черты 1896 – Некоторые черты об обществе духоборцев // Русская старина. 1896. № 8. С. 257–270.

Несколько слов 1870 – Несколько слов о молоканах в таврических степях // Отечественные записки. 1870. Т. 190. № 6. С. 292–314.

- Ольховский* 1905 – *Ольховский В.* Обряды духоборцев // Живая старина. Отд. этнографии. Вып. 3–4. 1905. С. 233–270.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ПМА – Полевые материалы автора.
- ПМА 1 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2000 г.; информант В.Т.Г., 1920 г. р. (урож. с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 2 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2003 г.; информант П.Ф.Б., 1947 г. р. (урож. с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 3 – Экспедиция в с. Гореловка Богдановского р-на Грузинской ССР 1988 г.; информант М.Ф.З., 1908 г. р.
- ПМА 4 – Экспедиция в с. Гореловка Ниноцминдского р-на Грузинской Республики 2014 г.; информант Т.М.О., 1953 г. р.
- Псалтырь 1671 – Псалтырь с воспоследованием. М.: Московский печатный двор, 1671 // РГБ. Музей книги. № 3889.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сулержицкий* 1905 – *Сулержицкий Л.* В Америку с духоборами (из записной книжки). М., 1905.
- Ф-в 1828 – Ф-в А. О раскольниках, поселенных Таврической губернии в Мелитопольском уезде // Отечественные записки. 1828. Ч. 33. № 93. С. 44–58.
- Черткова* 1910 – *Черткова А.* Что поют русские сектанты. Сб. сектантских напевов с текстом слов. Вып. I. Отд. I. Псалмы и стишки духоборцев. Записано по духоборческим голосам. М., 1910.

Научная литература

- Зернина А. В.* Динамика репертуара духовных песнопений целинских духоборов // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 2 (13). С. 74–78.
- Зернина А. В.* Певческая традиция духоборов Ростовской области: конфессиональный и религиозный аспекты. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. ФГБОУ ВО Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова, Ростов-на-Дону, 2017.
- Кодзасов С. В., Никитина С. Е.* Культура и фонетика: духоборские псалмы // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского / отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2004. С. 529–543.
- Косых А. В.* О параллелях в религиозной музыке духоборцев и меннонитов // Музыка и время. 2021. № 7. С. 31–37.
- Косых А. В.* Русские духовные стихи в «Животной книге духоборцев» // Opera musicologica. 2022. Т. 14. № 1. С. 74–93.
- Попов И. А.* Рассказы из истории духоборцев. Екатеринбург, 1997.
- Рудиченко Т. С.* Песнопения в религиозных ритуалах духоборов и молокан Ростовской области: современное состояние // Вестник АГУ. 2015. Вып. 4 (168). С. 173–179.
- Рудиченко Т. С.* Духоборские культовые песнопения «псалмы»: вопросы происхождения // Музыкальная культура Юга России. 2018. № 2 (31). С. 5–11.

References

- Kodzassov, S. V., and S. E. Nikitina. 2004. Kul'tura i fonetika: dukhoborskiye psalmy [Culture and phonetics: Doukhobor psalms]. In *Semiotika, lingvistika, poetika: K stoletiyu so dnya rozhdeniya A. A. Reformatskogo* [Semiotics, linguistics, poetics: To the centenary of the birth of A. A. Reformatsky], ed. by V. A. Vinogradov, 529–543. Moscow.
- Kosykh, A. V. 2021. O parallelyakh v religioznoy muzyke dukhobortsev i mennonitov [About the parallels in the religious music of the Doukhobors and Mennonites]. *Muzyka i vremya* 7: 31–37.
- Kosykh, A. V. 2022. Russkiye dukhovnyye stikhi v «Zhivotnoy knige dukhobortsev» [Russian spiritual poems in the «Zhivotnaya Book of Doukhobors». *Opera musicologica* Vol. 14. № 1: 74–93.
- Popov, I. A. 1997. *Rasskazy iz istorii dukhobortsev* [Stories from the history of the Doukhobors] Yekaterinburg.
- Rudichenko, T. S. 2015. Pesnopeniya v religioznykh ritualakh dukhoborov i molokan Rostovskoy oblasti: sovremennoye sostoyaniye [Chants in religious rituals of the Dukhobors and Molokans of the Rostov region: current state] *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* 4 (168): 173–179.
- Rudichenko, T. S. 2018. Dukhoborskiye kul'tovyye pesnopeniya «psalmy»: voprosy proiskhozhdeniya [Doukhobor cult chants «psalms»: questions of origin]. *Muzykal'naya kul'tura Yuga Rossii* 2 (31): 5–11.
- Zernina, A.V. 2013. Dinamika repertuara dukhovnykh pesnopeniy tselinskikh dukhoborov [Dynamics of the

repertoire of spiritual chants of Tselinsky Doukhobors]. *Problemy` muzy`kal`noj nauki* 2 (13): 74–78.
Zernina, A.V. 2017. Pevchiskaya traditsiya dukhoborov Rostovskoy oblasti: konfessional'nyy i religioznyy aspekty [The singing tradition of the Dukhobors of the Rostov region: confessional and religious aspects]. RhD diss. abstract, Rostov State Conservatory named after S. V. Rachmaninov, Rostov-na-Donu, 2017.

SINGERS IN THE DUKHOBOR COMMUNITY IN THE SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The Institute of singers, which this article is devoted, as a specific structural part of the Doukhobor sect, stood out from the general choir of psalmists. Being the most stable part of the community, it is the only one which has survived historical upheavals and internal cataclysms and has survived to the present day. The author used archival and published sources, including the psalms of the Doukhobors, and also drew on his expedition observations, which had been made among the transcaucasian Doukhobors. The paper considers the formation of the institute of singers, their role and status in the sect in the second half of the XVIII – early XX century. As a result of the research, the author came to the conclusion that in the key part of the prayer rite, in which the main provisions of the sect's creed are imprinted, according to the idea of the Doukhobors, the Holy Spirit descended on the worshippers and spiritual communion was performed, for which they advocated, rejecting the church's "man-made" sacraments. The singing of psalms is not an accompaniment of worship service but its most mystical part, and the main actors of which were choristers, ensuring the result of the most important rite. This role predetermined their very high status in the sect and ensured the stability of the Institute of singers in the future.

Keywords: Doukhobors, singers, creed, ritual, mystical sect.

Author Info: Inikova, Svetlana A. – Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: inikova_svetlana@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

For citation: Inikova, S. A. 2023. Singers in the Dukhobor Community in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 33: 68–79

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

